

*Как-то раз ангел и дьявол
влюбились друг в друга.*

Ничем хорошим это не кончилось.

ИСПУГАТЬ НЕВОЗМОЖНО

Шагая по запорошенной снегом мостовой, Кэроу не мучилась мрачными предчувствиями. Обычный день, ничего особенного. Если не считать того, что понедельник — да к тому же январский. Зябко, темно — в зимнюю пору солнце появляется не раньше восьми, — зато какая красота вокруг! Раннее утро и снегопад сделали Прагу призрачной, как на старинных фотографиях — размытых и серебристых.

По оживленной набережной с грохотом проносились трамваи и автобусы, знаменуя начало нового дня двадцать первого века. А безлюдные переулочки, заснеженно-спокойные, казалось, принадлежали совсем другой эпохе. Снег, и камень, и блуждающие огоньки, завиток пара от кофе — в одиночестве Кэроу свободно плыла по течению будничных мыслей. Временами вспоминалась обида, и сердце внезапно пронзало болью, но она гнала прочь эти чувства, полная решимости покончить с ними.

В одной руке она несла стаканчик с кофе, другой придерживала борта норовившего распахнуться паль-

то. На плече висел портфель, с какими ходят художники, а волосы — распущенные, длинные, переливистосиние — покрывались ажурным узором снежинок.

Обычный день.

И вдруг... Рык, торопливые шаги сзади, резкий захват — чьи-то руки прижали ее к широкой груди, рванули шарф, и она почувствовала зубы — зубы! — у себя на шее.

Преследователь *покусывал* ее.

Стало противно. Она попыталась вырваться и не расплескать при этом кофе, но часть напитка все же пролилась на грязный снег.

— Боже, Каз, отстань! — взмолилась Кэроу.

— Как ты меня узнала?

Свет фонаря мягко освещал холеное лицо бывшего бойфренда. «Дурацкая красота, — думала Кэроу, отталкивая его. — Дурацкое лицо».

— Кому еще такое придет в голову?

Подобными выходками Казимир зарабатывал себе на жизнь, и его удручало, что на Кэроу они не действовали.

— Тебя не испугать, — пробубнил он и надул губы — перед таким выражением лица, по его мнению, устоять было невозможно.

Прежде она бы и не пыталась. Приподнялась бы на цыпочки и дотянулась языком до обиженно выпяченной губы, неторопливо облизала бы ее, захватила зубами и растаяла в томном поцелуе, как согретый солнцем мед.

Те дни давно прошли.

— Может, ты просто не страшный, — бросила она и пошла дальше.

Каз, засунув руки в карманы, догнал ее и пристроился рядом.

— Что значит — не страшный? Как я рычу? А как кусаюсь? Кого угодно хватит удар. Просто у тебя ледышка вместо сердца.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Мы с Йозефом открываем новую экскурсию — «Вампиры Старого города». Туристы на нее поведутся.

«Еще бы», — подумала Кэроу. Туристы выкладывали хорошие деньги за эти блуждания в ночи по хитро-сплетениям пражских улочек с остановками в местах предполагаемых убийств, где из дверей внезапно выскакивали «привидения» и нагоняли на них страху. Она сама несколько раз играла роль такого привидения — держала в поднятых руках окровавленную голову и стенала до тех пор, пока вопли неподдельного ужаса не переходили в смех. Забавно.

Раньше с Казом было весело. А теперь — нет.

— Удачи тебе, — произнесла она ровным тоном, не повернув головы.

— Ты могла бы поучаствовать, — не унимался Каз.

— Нет.

— Сыграла бы сексапильную вампиршу...

— Нет.

— Мужиков сводила бы с ума...

— Нет.

— Надела бы свой плащ...

Кэроу замерла.

— Ты ведь его не выбросила, нет, зайка? Никогда не видал ничего прекрасней — черный шелк на бледной коже...

— Заткнись, — прошипела она и остановилась среди Мальтийской площади.

«С ума сойти, — думала девушка. — Какая глупость — влюбиться в ничтожного, смазливового улич-

ного актера, оставить ему такие воспоминания. Поражительная глупость. Исключительная».

Каз приготовился стряхнуть снежинку с ее ресниц.

— Только тронь, и я выплесну кофе тебе в лицо.

— Тпру, тпру, моя резвая Кэроу. — Он опустил руку. — Когда ты перестанешь взбрыкивать? Сказал же, я сожалею.

— Вот и сожалею. Только в другом месте.

На чешском — не родном для нее языке — она говорила ничуть не хуже Каза.

Он вздохнул, раздраженный тем, что Кэроу так и не приняла извинения. В его сценарий это не входило.

— Да будет тебе! — уговаривал он грубоватым и вместе с тем бархатно-мягким голосом, каким часто поют блюзовые исполнители. — Мы предназначены друг другу, ты и я.

Предназначены. Кэроу всей душой надеялась, что если она кому-то и «предназначена», то не Казу. Она окинула взглядом прекрасного Казимира, чья неотразимая улыбка раньше действовала как зов, на который невозможно не откликнуться. Рядом с ним цвета казались ярче, чувства — острее. Вскоре обнаружилось, что ко всему прочему место это — рядом с ним — было еще и популярным, и другие девушки при случае с удовольствием его занимали.

— Пусть вампиршу играет Светла. Ей и учить эту роль не надо.

Каз смотрел страдальческим взором.

— Не нужна мне Светла. Мне нужна ты.

— Увы. Я — не вариант.

— Не говори так. — Он потянулся к ее руке.

Кэроу отпрянула, сердце опять кольнуло, несмотря на все старания заглушить чувства. «Не стоит, — твердила она себе. — Ни вот столечко не стоит».

— Это называется преследование. Понимаешь?

— Брось, никого я не преследую. Просто мне по пути.

— Ладно, — буркнула Кэроу. До школы оставалось рукой подать.

Художественный лицей Богемии — частное учебное заведение — размещался в розовом дворце в стиле барокко, знаменитом тем, что во время нацистской оккупации два чешских борца за независимость перерезали горло гестаповскому офицеру и его кровью вывели на стене слово «свобода». Ликование было недолгим — отважных бунтарей вскоре поймали и посадили на металлические наконечники ведущих во внутренний двор ворот. Теперь вокруг этих самых ворот слонялись студенты, курили, поджидали друзей. Но двадцатилетний Каз не был студентом и, насколько Кэроу знала, никогда не просыпался раньше полудня.

— Странно, что ты уже на ногах...

— У меня новая работа, — заявил он. — Рано начинается.

— Вампирские туры по утрам?

— Нет. Кое-что другое. Своего рода... разоблачение.

Он торжествующе ухмылялся. Не мог дождаться, когда она спросит, что за работа.

Не тут-то было.

Кэроу — воплощенная невозмутимость и спокойствие — ответила:

— Тогда счастливо! — И ускорила шаг.

— Неинтересно, какая работа? — крикнул он ей в спину. Ухмылка все еще не сошла с его губ — она чувствовала это по голосу.

— Нисколько, — отрезала девушка и вошла в ворота.

Лучше бы она спросила.

СВОЕГО РОДА РАЗОБЛАЧЕНИЕ

По понедельникам, средам и пятницам первым уроком у Кэроу стояло рисование с натуры. Войдя в студию, она увидела свою подругу Зузану, которая уже застолбила для них места — выставила мольберты поближе к подиуму натурщика. Кэроу скинула с плеча портфель, сняла пальто, размотала шарф и объявила:

— Меня преследуют.

Зузана вздернула бровь. Она была мастерицей вздергивать брови, чему Кэроу страшно завидовала — ее собственные брови не двигались порознь друг от друга и мешали в полной мере выражать недоверие и презрение.

Зузана строила и ту и другую гримасу в совершенстве, однако на этот раз бровь ее изогнулась мягко, что означало всего-навсего легкое любопытство.

— Неужели Болван опять пытался напугать тебя?

— Теперь он прикидывается вампиром. Цапнул меня за шею.

— Актеры... — проворчала Зузана. — Говорю же, давно пора угостить его электрошокером. Чтоб неповадно было набрасываться на людей.

— У меня нет электрошокера. — Кэроу не стала пояснять, что вполне может постоять за себя, не прибегая к электричеству. В ее арсенале были кое-какие иные умения.

— Так купи. Точно тебе говорю — за плохое поведение нужно наказывать. Заодно и повеселишься. Разве неинтересно? Мне, например, всегда хотелось обработать кого-нибудь электрошокером. З-з-з! — Зузана притворно забилась в конвульсиях.

— Нет, маленькая садистка, вряд ли это весело, — покачала головой Кэроу. — Какая ты все-таки жестокая!

— Не я жестокая. Каз жестокий. Надеюсь, тебе не нужно напоминать? — Она испытующе посмотрела на Кэроу. — Ты ведь не собираешься прощать этого лузера?

— Нет, — заверила Кэроу. — Вот бы еще он это понял.

Каз был не в состоянии постичь, как девушка может отказаться от общения с ним — таким неотразимым парнем. А Кэроу только укрепила его самомнение: все проведенные с ним месяцы она смотрела на него сквозь розовые очки влюбленности, отдавала ему... все. Теперь его домогательства представлялись ей плодом ущемленной гордости. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать самому себе: он получит все, что ни пожелает. И принимать решения будет только он.

Пожалуй, Зузана права. Стоит проучить его электрошокером.

— Альбом! — скомандовала Зузана, протянув руку, как хирург за скальпелем.

Лучшая подружка Кэроу, несмотря на свою миниатюрность, обожала верховодить. В сапогах на плат-

форме она едва дотягивала до пяти футов, и хотя рост Кэроу был лишь на шесть дюймов больше, на фоне Зузаны она казалась гораздо выше — как кажутся высокими балерины. Нет, балетом Кэроу не занималась, но походила на балерину — впрочем, только изяществом фигуры. Не часто встретишь балерину с ярко-синими волосами и украшенными множеством татуировок руками и ногами.

Пока она доставала из портфеля альбом, взорам окружающих открылись лишь две татуировки, выколотые на запястьях как браслеты, — по одному слову на каждом: «правда» и «вымысел».

Двое студентов, Павел и Дина, подошли ближе. Альбомы Кэроу были в школе предметами культа: их передавали из рук в руки, ими ежедневно восхищались. Сегодняшний — девяносто второй в серии длиною в жизнь — был перевязан резинками, и стоило только Зузане снять их, как он раскрылся: каждая страница с таким слоем грунтовки и краски, что переплет, казалось, не выдержит тяжести и развалится. Альбом развернулся веером, на страницах замелькали фирменные персонажи Кэроу, блистательно изображенные и очень странные.

Среди них — Исса, женщина-змея с обнаженными полушариями груди, как на резных иллюстрациях к Камасутре, с ангельским лицом, но с капюшоном и ядовитыми зубами кобры.

Ссутулившийся Твига с шеей жирафа, в прищуренном глазу — линза ювелира.

Ясри с клювом попугая и человеческими глазами. Из-под платка выбились оранжевые кудряшки, в руках — блюдо с фруктами и кувшин с вином.

И, конечно, Бримстоун — звезда альбомов. Здесь он был изображен вместе с Кишмишем, усевшимся на один из его огромных бараньих рогов. В фантастических историях, которые Кэроу рассказывала в своих альбомах, Бримстоун был Продавцом желаний. Иногда она называла его просто «ворчуном».

Этих созданий Кэроу рисовала с самого детства, и ее друзья говорили о них так, словно они существовали на самом деле.

— Чем занимался Бримстоун в выходные? — спросила Зузана.

— Тем же, чем и всегда, — ответила Кэроу. — Скупал у убийц зубы. Вчера один гнусный тип — браконьер из Сомали — принес ему несколько зубов нильского крокодила, а заодно попытался что-то стащить, так змеиный хомут чуть не удавил идиота. Повезло ему, что остался жив.

Зузана нашла иллюстрацию к этой истории на одной из последних страниц: сомалиец стоял, закатив глаза, а тонкая змея туго обвилась вокруг его шеи, словно гаррота. Кэроу рассказывала, что при входе в лавку Бримстоуна посетителям надевают на шею одну из Иссиных змей. Так их легче приструнить, если начнут вести себя подозрительно: придушить (не обязательно до конца) или укусить при необходимости, — а это уже смертельно.

— Как тебе удается такое выдумывать, маньячка? — изумленно и не без зависти спросила Зузана.

— Кто сказал, что я выдумываю? Говорю же — все происходит на самом деле.

— Да-да, конечно. И волосы у тебя на голове всегда росли такого цвета.

— Естественно! — ответила Кэроу, пропустив длинную синюю прядь между пальцами.

— Ага.

Кэроу пожала плечами, собрала волосы на затылке в лохматый узел и закрепила, проткнув кистью. Волосы у нее на самом деле росли именно такого цвета — чистый ультрамарин, как из тюбика с краской, но она говорила об этом, насмешливо улыбаясь, — выкладывала правду, не боясь, что ей поверят, заодно и в собственной лжи не путалась. Без улыбки и шального воображения Кэроу никто и представить не мог.

В действительности шальным было вовсе не ее воображение, а сама жизнь — синие волосы, и Бримстоун, и все остальное.

Зузана передала альбом Павлу, а сама принялась искать чистую страницу в своем собственном огромном блокноте для рисования.

— Интересно, кто сегодня позирует?

— Наверное, Виктор, — предположила Кэроу. — Что-то давно его не было.

— Давно. Хоть бы он помер уже.

— Зузана!

— Что? Ему восемь миллионов лет. Труп рисовать и то веселей, чем этот жуткий мешок с костями.

В лицее работало около десятка натурщиков — мужчин и женщин всех возрастов, разной комплекции, — и они постоянно менялись. Начиная от пышнотелой мадам Свободник до фееподобной Элиски с осиной талией, любимицы мужской половины студентов. Больше всего Зузане не нравился дряхлый старец Виктор. Она утверждала, что после уроков с его участием ее мучили кошмары.

— Как будто мумию размотали. — Она передернула плечами. — Разглядывать с утра пораньше голого старикана — прекрасное начало дня!

— Лучше, чем быть укушенной вампиром, — отзывалась Кэроу.

Ее не напрягало работать с Виктором хотя бы потому, что близорукий старик никогда не смотрел в глаза студентам, — а это уже хорошо. Она была готова провалиться под землю, когда, оторвав взгляд от пениса молодого натурщика (не оставишь ведь это место на рисунке пустым), замечала, что он безотрывно смотрит на нее. У Кэроу вспыхивали щеки, и она пряталась за мольберт.

Но те случаи оказались сущими пустяками по сравнению со стыдом, который ей пришлось испытать сегодня.

Она затачивала карандаш и вдруг услышала странный, сдавленный голос Зузаны:

— Черт возьми, Кэроу!

Кэроу мгновенно все поняла.

Разоблачение — так, кажется, он сказал. Умно! Рядом с мадам Фиалой стоял босой, одетый в халат Каз. Длинные золотистые волосы, которые совсем недавно трепал ветер и усеивали искрящиеся снежинки, были стянуты в пучок на затылке. Славянское лицо сочетало в себе ангельские черты и мягкую чувственность: скулы, словно выточенные гранильщиком алмазов, губы, к которым так и хотелось прикоснуться кончиками пальцев — проверить, бархатистые ли они на ощупь... Бархатистые — это Кэроу знала точно. Дурацкие губы...

По студии пронесся приглушенный шум голосов: *«Новый натурщик, надо же, какой красавчик...»*

— Разве это не парень Кэроу? — громко шепнул кто-то.

Бывший парень, хотелось крикнуть Кэроу. Не представляете, до какой степени бывший...

— Кажется, да. Только посмотри на него...

А Кэроу и смотрела. И надеялась, что на лице у нее застыла маска отчужденного спокойствия. *«Не смей краснеть*, — приказывала она себе. — *Не смей краснеть»*. Каз уставился прямо на нее, от улыбки на одной щеке появилась ямочка, в глазах — благодушие и радость. Поймав ее взгляд, он нахально подмигнул.

Вокруг захихикали.

— Каков мерзавец! — возмутилась Зузана.

Каз ступил на подиум. Не отрывая взгляда от Кэроу, развязал пояс, сбросил халат. И вот ее бывший парень предстал перед классом, красивый и обнаженный, как Давид. На груди, чуть выше сердца — новая татуировка.

Витиеватая буква «К».

Вновь смешки. Студенты не знали, на кого смотреть — на Кэроу или на Казимира, — и переводили взгляды с одной на другого, ожидая, что же будет дальше.

— Тишина! — гневно скомандовала мадам Фиала, хлопнув в ладоши.

Кэроу покраснела. Сначала жар прилил к груди и шее, потом вспыхнуло лицо. Каз буравил ее взглядом, и ямочка на щеке стала еще глубже, когда он, к своему удовольствию, заметил, что Кэроу нервничает.

— Позы для минутных набросков! — объявила преподавательница. — Прошу, Каз!

Он принял первую позу — динамичную, как и полагалось, — повернул туловище, напряг мускулы, вытянул руки, изображая действие. В таких разминочных упражнениях студентам важно передать движение, а для Каза замечательная возможность повыпендриваться. «Что-то не слышать, как карандаши шуршат по бумаге», — подумала Кэроу. Неужели остальные девочки в студии тоже глупо пялились на него, как и она?

Кэроу опустила голову, взяла остро заточенный карандаш — подумав, что сейчас с удовольствием использовала бы его по другому назначению, — и приступила к рисованию. Легкие, плавные линии, как и на всех набросках в альбоме. Девушка делала штрихи внахлестку, словно зарисовывала танец.

Каз проводил немало времени перед зеркалом, прекрасно владел своим грациозным телом и знал, как произвести впечатление. Тело, как и голос, входит в набор актерских инструментов. Вообще-то, актер из Каза никудышный, иначе стал бы он заниматься вампирскими турами и участвовать в низкобюджетных постановках «Фауста»! Зато натурщик — что надо. Это Кэроу знала точно, ведь она не однажды его рисовала.

Его тело напомнило Кэроу картины Микеланджело в первый же раз, когда она увидела Каза... разоблаченным. В отличие от других художников эпохи Возрождения, писавших свои работы с изящных, женоподобных натурщиков, Микеланджело словно специально выбирал широкоплечих каменщиков, и каким-то удивительным образом ему удавалось запечатлеть их чувственными и одновременно элегантными. Таков был и Каз: чувственный и элегантный.

И лживый. И самовлюбленный. А уж если начистоту — ко всему прочему и дурак.

— Кэроу! — громко шепнула англичанка по имени Хелен, пытаясь привлечь ее внимание. — Это он?

Кэроу не отреагировала и как ни в чем не бывало продолжала работать карандашом. Натурщик все еще ухмылялся, неотрывно глядя на нее. Она изо всех сил делала вид, что не происходит ничего необычного.

Запиликал таймер, и Каз неторопливо накинул халат. Кэроу надеялась, что ему не придет в голову расхаживать по студии. «Стой где стоишь», — мысленно приказала она. Бесплезно. Он уже фланировал в ее сторону.

— Здорово, Болван! — бросила Зузана. — Много платят?

Не удостоив ее ответом, Каз обратился к Кэроу:

— Нравится моя новая татуировка?

Студенты поднялись со своих мест, но не поспешили, как обычно, на перекур, а стали топтаться неподалеку.

— Еще бы, — ответила Кэроу беспечным тоном. — «К» — значит «Казимир», насколько я поняла?

— Смешная девчонка! Ты знаешь, что значит эта буква.

— Что ж, — задумчиво произнесла Кэроу, приняв позу мыслителя, — мне известен только один человек, которого ты по-настоящему любишь, и его имя как раз начинается с буквы «К». Но ее, по-моему, следовало нарисовать совсем не возле сердца.

Девушка взяла карандаш и вывела букву «К» на своем последнем рисунке — на образцово вылепленной ягодице Каза.